

3.2. ПРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ РУССКОГО ОБЩЕСТВА, КУЛЬТУРЫ, НАУКИ¹

3.2.1. О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Ряд работ Д. С. Лихачева о русской культуре связан со стремлением осмыслить духовный облик русского народа, наиболее важные черты национального характера, его достоинства и недостатки, понять особенности общественных отношений и жизненных ценностей русского человека. Дмитрия Сергеевича интересовало, можно ли «заглянуть» в русскую душу сквозь глубины истории, обнаружить ее основное ядро, определяющее отношения с природой и обществом. Насколько справедливы суждения «о русском национальном характере как о характере крайности и бескомпромиссности, “загадочном” и во всем доходящем до пределов возможного и невозможного (и, в сущности, недобром)»? — так ставит вопрос Д. С. Лихачев в книге «Заметки о русском»².

Он не случайно включается в полемику по столь острому вопросу. К размышлениям побуждали как многолетние исследования истории древнерусской литературы, так и необходимость ответов на письма читателей, душевные волнения, выражавшиеся в заметках на полях прочитанных книг. Академик Лихачев пишет отзывы на рукописи, фиксирует мысли в записных книжках. По сути, **он находится в непрерывном диалоге с русской культурой**, в которой живет удивительной, насыщенной жизнью. Это определило композиционную и стилистическую особенность размышлений Дмитрия Сергеевича, их полемическую остроту и непосредственность. Ученый отмечает, что речь идет о его собственном восприятии русского национального характера, которое окрашено индивидуальным отношением. Но именно поэтому оно особенно ценно для россиян. Попробуем последовать за мыслью Д. С. Лихачева, понять смысл его суждений о русском национальном характере.

В историческом процессе формирования национального характера особое значение имеет отношение русского человека к природе. Для русского народа широкое пространство родной земли, простор полей, даль лесов, высота небес прочно вошли в родной язык, отразились в фольклоре. Слова «природа», «Родина» «родник», «народ», «родственник» имеют общий корень. «Широкое пространство всегда владело сердцами русских»³, — отмечает Дмитрий Сергеевич. Природа русскому человеку нужна большая, открытая, вольная, просторная, с огромным обзором. В этих просторах можно дышать полной грудью, чувствовать над собой небо, двигаться беспрепятственно в разные края. Символом этого восприятия становится и колокольный звон на дальние расстояния, и быстрая езда на «птице-тройке», и протяжная песня, и удалая пляска. В русском характере запечатлен восторг перед открытой далью, тоскливое страдание от закрытости и ограниченности взора, узости и тесноты.

Природа имеет свою внутреннюю структуру и закономерности существования, познать которые стремится человек. Это выражается в том, что сама природа живет сообществом, природа по-своему как бы социальна. По Лихачеву, «отношения природы и человека — это отношения двух культур, каждая из которых по-своему “социальна”, общежительна, обладает своими “правилами поведения”. И их встреча строится на своеобразных нравственных основаниях. Обе культуры — плод исторического развития»⁴. Культура природы выражается в соседстве растений и деревьев, их высоте и густоте, близости к водоемам. Живая природа имеет свои мудрые законы, свое время — биологические часы. Человек всегда всматривался в мир природы, стремился разгадать ее тайны, подражать ее мудрости. Это отношение воплотилось в крестьянском жизнеустройстве, языческих

¹ Раздел написан в соавторстве с профессорами СПбГУП С. Н. Иконниковой и В. Г. Ивановым.

² Лихачев Д. С. Заметки о русском. М.: Советская Россия, 1984. С. 7.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 18.

ритуалах и обрядах, верованиях и хозяйственном укладе. Русский человек не просто наслаждается видами природы, но живет в согласии со всем земным окружением. Именно поэтому **отношение к природе становится стержнем национального характера.**

Восточно-Европейская равнина кроткая, без высоких гор, но и не бессильно плоская, с сетью рек, готовых быть путями сообщения, с покатыми холмами и густыми лесами. Хозяйственная деятельность крестьянина органично и бережно вписывалась в окружающую природу. Русский человек создавал эстетику параллельных линий пашни, плотно укладывал бревно к бревну при постройке избы, ровнял границы поля, освобождая его от камней, создавал плавные переходы от леса к реке. Глаза его наслаждались покоем и равновесием родной земли. Ритм параллельных линий продолжался в сельских и городских поселениях со строем улиц и рядами домов, садами и огородами, рекой или прудом, мостовыми и мостиками. Родная земля любовно запечатлена в иконописи, русской пейзажной живописи, прозе и поэзии, хоровой музыке, вышивке, керамике, глиняной и деревянной игрушке. Русские художники наслаждались цветовым богатством осенней листвы, графическим узором зимних деревьев, оттенками водных и небесных просторов. Любовь и восхищение родной природой — черта национального характера.

Не случайно в описании облика и топографии Петербурга Д. С. Лихачев выделяет четко выраженные горизонталы: линию соприкосновения воды и земли на всем протяжении набережных Невы; четкую линию домов, границу соприкосновения крыши и неба. Именно эти горизонталы создавали необычайно открытую перспективу исторического центра, которая является таким же памятником, как и архитектура в целом. Органичны и вертикали — перпендикуляры знаменитых шпилей и куполов соборов. Все это создает уникальную композицию, позволяющую любоваться дивной красотой городского пейзажа.

По Лихачеву, вся историческая жизнь страны должна входить в круг духовности человека. «Ценить в себе подлинную связь со своим селом, городом и страной, сохранять и развивать в себе благую сторону, добрые национальные черты своего народа, развивать глубокую ментальность, чутье языка, знание истории, родного искусства и прочее»⁵, — призывает ученый.

Но природа не только расположена к человеку, но и таит опасности, стихийные разрушения, пожары и наводнения, засухи и морозы. **Русский человек должен был искать защиты, уметь выживать в сложных жизненных обстоятельствах.** Русские люди испокон веков искали защиты в храме. Для церкви выбиралось самое видное место, их ставили на пригорках, в единении с природой, любили некрашеное дерево, теплое и нежное в прикосновении. «Когда пугало обширное пространство русской равнины, — пишет Д. С. Лихачев, — человек ставил на самых высоких местах, на крутых берегах рек и даже среди болот высокие церкви. Церкви населяли обширный мир. Это подавляло страх одиночества»⁶.

Православие имело защитный смысл, содержало значение «оберега», хранения близких и дальних, мира в целом. Грандиозные храмы на границах Руси знаменовали уверенность и готовность к сопротивлению. **Защитный смысл веры** воплотился в молитвах, почитании святых. Православие было источником просвещения народа, распространения грамотности и знаний, давало нравственную опору. Оно создавало традицию почитания Слова как мудрости. Молитвы многократно повторялись, любимые изречения тщательно выписывались, они направляли на путь истинный повседневное поведение человека. В иконописи проявились многие национальные черты: прощение грешников, заступничество слабых, доброе отношение к ближнему и дальнему, своему и чужому. В миниатюрах и клеймах икон из уст праведников поднимаются легкие облачка,

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 6.

на них красиво написаны изречения, жизненные напутствия и поучения. Эти тексты многократно повторялись, запоминались, подобно заповедям, и были священными.

В написании святого образа «русский тип лица сочетается <...> с проявляющимся в нем национальным складом русского характера»⁷, — отмечает Д. С. Лихачев. Представления о человеке, его достоинстве, несуетном уме, высокой мудрости и щедрой доброте воплощены в образах людей на мозаиках, фресках и иконах, в лицах, озаренных внутренним светом «горнего ума». Это особое свечение лиц получило название «ликования», означавшего в Древней Руси не только изображение ликов, но и торжествование, радование, а также хоровое пение. Удивление перед человеческим лицом — «ликом» — пронизывает собой все искусство Киевской Руси. Основные части храма названы по подобию человека: купол — глава, окна — очи, выступы в стенах — перси, двери — уста. Солнце тоже изображалось имеющим «лик». Культурно-исторический смысл понятий «лик», «лицо», «личина» (маска) многократно менялся в истории русской культуры. В православии лицо человека всегда воспринималось как «зеркало» души, противоборства Добра и Зла, Бога и Дьявола. Лик — как свидетельство торжества над грехом, внутреннего и внешнего преображения, достижения святости. Личина (маска) выражала подчинение человека силам зла, лишение его живительных духовных источников, нравственное падение. В художественном изображении отразились представления русского человека о многообразии личности. «Среди ликов Древней Руси есть лики мудрые страданием, мудрые знанием и книжной мудростью, мудрые мужеством и мудрые силой, мудрые жизненным опытом и мудрые дерзостью юности, мудрые смирением и мудрые пониманием других людей, мудрые предвидением будущего и мудрые добротой, и мудрые просто мудростью»⁸, — заключает Д. С. Лихачев.

Человек — это микрокосм, и бесконечное многообразие человеческой индивидуальности воплощается в единстве национального характера. Православная религия «выстраивалась» созвучно русской душе и в свою очередь оказывала влияние на национальный характер народа. Средневековый символизм на иконах дополнялся светлой грустью, сочувствием к страданиям, раздумьями о судьбах мира, нежной любовью друг к другу. Христианское учение о Боге сочеталось с пантеистическим признанием проявлений божества повсюду в реальном мире. Православные святые были покровителями в воинских сражениях, учили возделывать землю, приручать животных, просвещали народ. Церковь была включена в повседневную жизнь русского народа.

Религиозность как черта национального характера была лишена крайних форм фанатизма и богоборчества, сохраняла терпимость к иным конфессиям. Особенно тесной была связь славянских народов в эпоху русского Предвозрождения. Русские читали болгарские и сербские произведения как свои: «Южно- и восточнославянские литературные языки, церковнославянские в своей основе, еще не достигли такой дифференциации, при которой они могли восприниматься как различные языки <...> Сознание восточно- и южнославянского единства не было только идеей, оно было практическим результатом полного взаимного понимания южных и восточных славян — языкового, религиозного и культурного»⁹. Это единство не было «остатком» былой общности. Укреплению содействовали: введение единой орфографии и стилистических приемов, переезды из страны в страну писателей, художников, ремесленников, церковных деятелей, создание единого умственного движения и связанной с ним единой религиозной, философской и художественной литературы. Вот чем объясняется удивительный феномен «славянского братства» и общих черт национального характера.

⁷ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 120.

⁸ Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 50.

⁹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 161.

Осознанная любовь к своему народу не противостоит в русском характере другим нациям, а только усиливается добрым расположением к ним. Испокон веков на Руси всегда жили многие народы. Они отличались по языку и вере, образу жизни и обычаям. Но всегда их окружала атмосфера миролюбия и открытости. В середине XI века русский митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» — замечательном произведении древнерусской литературы — говорит о равноправии народов, ибо они совершают общее дело для человечества. «Выявление национальных особенностей характера, знание их, размышления над историческими обстоятельствами, способствовавшими их созданию, помогают нам понять другие народы»¹⁰, — отмечает академик Лихачев.

Миролюбие, открытость для общения воплотились в «соборности» как черте национального характера. Этим понятием выражается своеобразная форма общинности, коллективности, стремления жить и делать дело сообща, «всем миром», вместе переживать радости, приходить на помощь другому в беде, совместно решать возникающие проблемы. Соборность означает также «собранность» в единое сообщество, многократно усиливающее возможности людей в утверждении добра и в противостоянии злу. Поэтому столь ценились силы центростремительные, объединяющие народы, и столь же опасными признавались центробежные силы, ведущие к утрате единства.

Символом соборности был обычай «водить хоровод», петь хором. Само слово «хороший» имеет значение «добрый». Это стремление к единству, сплоченности, потребность во взаимной поддержке, сотрудничестве, «чувстве локтя» пережило все временные границы, стало сознательным принципом жизни. Ненависть и недоброжелательство, агрессивность к другим народам не только опасны, ибо ведут к конфликтам, но они разрушают нравственность своего народа, распространяют зло. «Если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценности своей собственной. Поэтому в высших, осознанных своих проявлениях национальность всегда миролюбива, активно миролюбива, а не просто безразлична к другим национальностям»¹¹, — делает вывод Д. С. Лихачев. Национализм — проявление слабости нации, а не ее силы. Великий народ со своей большой культурой и национальными традициями «обязан быть добрым», — подчеркивает ученый. Великий народ должен помогать малочисленному народу сохранить себя, свой язык, свою культуру. Национализм, отгораживаясь от других культур, губит и иссушает свою культуру. Особенно важно взаимодействие русской, украинской и белорусской культур, которые имеют общий корень, творчески усваивают и перерабатывают на свой лад достижения соседей. **Славянское единство и взаимопонимание — черты национального характера русского народа.**

В формировании русского национального самосознания большую роль играли политическая власть, православная церковь, язык и литература, фольклор, обычай и традиции. Это были **скрепляющие основы русской культуры**, соединяющие между собой пространства русской земли. Интересно, что по своему происхождению русский литературный язык был староболгарским и потому понятным для многих славян. Летописные своды, записанные в разных местах, присоединялись друг к другу, были вполне понятны. Д. С. Лихачев отмечает роль интенсивного обмена посланиями, летописными сочинениями, проповеднической литературой, бытовыми сообщениями и сведениями, которые способствовали национальному единению. «Не было ни одного литературного произведения, которое проповедовало бы раздробленность, обособление княжеств. <...> Борьба за разъединение Руси не могла быть популярной»¹², — указывает Дмитрий Сергеевич. В истории Руси было немало сложных периодов внутренней борьбы и защиты от иноземных нашествий. Поэтому в национальном самосознании во все времена существовал идеал воина, запечатленный на фресках, мозаиках, иконах. В

¹⁰ Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 41.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 47.

воинских изображениях отразилось благочестие и преклонение перед мужественным подвигом защитника Отечества, воинской честью и достоинством, воинской осторожностью и мудростью. Интересно, что в одном ряду с воинством стояли и праведные «книжники»: если воины изображались с оружием, мечом и щитом, то проповедники — с книгами или свитками.

Национальный характер включает множество черт сознания и поведения людей в разных исторических ситуациях, образов и изображений в искусстве и литературе. В национальном характере отразились не только высокие нравственные идеалы, но и многие отклонения, пороки, злонамеренные черты. В церковном обращении XV века были такие наставления: «Отрекись пьянства, а не питья, отрекись объядения, а не яствы, отрекись блуда, а не женитьбы»¹³. Национальный характер проявляется по-разному в различных социальных группах и исторических условиях. **Идеализировать национальный характер было бы неверно.** Наряду с позитивными качествами — добротой, отзывчивостью, великодушием, смелостью, состраданием, простотой и открытостью в национальном характере отмечают разгильдяйство, лень, пьянство, халатность, безответственность, покорность, расчет на «авось». **В русском характере совмещаются противоположные черты:** доброта с жестокостью, душевная тонкость с грубостью, крайнее свободолюбие с деспотизмом, альтруизм с эгоизмом, самоуничтожение с национальной гордыней и шовинизмом. Д. С. Лихачев называет такое противоречивое соединение «поляризованностью русского характера»¹⁴.

Характеризуя русского человека, говорят о его безудержности, метаниях из одной крайности в другую, бескомпромиссности. Амплитуда колебаний между добром и злом в русском народе чрезвычайно велика. Атакам зла подвергались высокие духовные ценности: соборность и терпимость, свобода и открытость. Русскую культуру постоянно терзали взаимная вражда, тирания. Истории известны коварные способы борьбы, сопровождавшиеся политическими убийствами, отравлениями и ослеплениями. Внутренние распри и вражеские нашествия влияли на характер народа, ограничивали проявления гуманизма. Многовековая русская история прошла под знаком тревог, волнений, восстаний, войн, революций, которые отложили отпечаток на национальный характер народа. Именно поэтому в народе было распространено сочувствие той власти, которая способна дать защиту и «тишину». В разных вариантах и пропорциях подобные настроения и качества есть и у других народов.

Национальный идеал и национальный характер не полностью совпадают. Добро и зло вовсе не уравнены, добрые качества во много раз ценнее и весомее зла, считает Д. С. Лихачев. Зло — коварно и вероломно, стремится разрушить самое ценное в культуре, действует целенаправленно, как будто обладает сознанием и волей. Оно избирает наиболее ценные сферы русской культуры и ведет на них наступление. Неоднократно подвергалось таким атакам земледельческое трудолюбие, национальная доброжелательность и открытость, крепость семейных отношений. «Мерить культуру, ее высоту мы должны по ее высочайшим достижениям, ибо только вершины гор возвышаются над веками, создают горный хребет культуры»¹⁵, — утверждает в связи с этим академик. Это положение является особенно важным и принципиальным в оценке национального характера русского народа. Русские писатели, публицисты стремились избавить человека от душевной узости, невежества, материальной скупости и жадности, от мелкой злобы и личной мстительности, бестолковой суетности и злобы. Осуществление идеалов всегда пробивается сквозь толщу повседневных забот и может оказаться в противоречии с их направленностью. Но без этих высот народ теряет энергию движения и смысл деятельности.

¹³ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 144.

¹⁴ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Там же. С. 191.

¹⁵ Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 36.

Наряду с отчетливым своеобразием, в русском национальном характере воплотились основные духовные ценности европейской культуры. «Мы должны быть русскими европейцами»¹⁶, — подчеркивает Д. С. Лихачев. Это утверждение опирается не столько на географическую общность и территориальную принадлежность к Европе, сколько на духовную общность культурного склада сознания и мышления. Процитируем еще раз: «Русская культура, — отмечает Дмитрий Сергеевич, — всегда была по своему типу европейской культурой и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе»¹⁷. Указанные принципы определяют контуры русского национального характера как целостного выражения основных ценностей европейской культуры.

Национальный характер относится к числу наиболее сложных, загадочных и противоречивых явлений русской культуры. Многочисленные споры и дискуссии, разные мнения лишь подчеркивают его трудноуловимость. И вместе с тем отказаться от этого понятия невозможно. Оно существует в русском языке и литературе, православной вере и символах, особенностях культурного пространства и образа жизни, стиле общения между людьми и отношении к другим культурам. Национальный характер способен поворачиваться разными гранями, непохожими и не совпадающими по форме проявления. Четкость и прозрачность может обернуться размытыми контурами и неожиданными действиями. Размышляя о природе общих понятий, концептов русской культуры, Д. С. Лихачев считает подобные универсалии особым типом мысленных образований, которые «замещают» множество реальных явлений. Это позволяет в определении русского национального характера отвлекаться от индивидуальных форм, оставлять возможность для дополнений, домысливания, сотворчества. Такой подход дает возможность избежать претензии на истину в понимании сложного социального и культурного явления.

Национальный характер как концепт может быть по-разному расшифрован в зависимости от индивидуального опыта и исторической ситуации. Тем не менее как понятие он включает всю сложность реальных отношений, проявляется в значениях языка, стереотипах сознания и поведения, символах и ценностях русской культуры. Русский национальный характер сложился исторически, прошел испытания «на прочность», не растворился в других культурах, сохранил достаточную определенность и узнаваемость и является ценным достоянием народа.

3.2.2. ПРАВСТВЕННОСТЬ ДАЕТ СВОБОДУ

В жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева **нравственность, свобода и патриотизм составляли неразрывное целое.**

В основе нравственности, по Лихачеву, лежит ограничение, которое начинается со слова «нельзя». Нравственность ограничивает произвол, который неразумие легко смешивает со свободой, подменяя принцип «я должен» принципом «я хочу».

Там, где существует культура самоограничения, наступает возможность и для существования подлинной нравственности как свободы мыслить и поступать. И Дмитрий Лихачев, с молодых лет воспитавший в себе подлинного интеллигента, был свободным человеком, даже находясь в заключении.

Нравственность в понимании Д. С. Лихачева изначально противостоит идеологии как тому, что навязано извне, потому что подчиняет человека, превращая его в марионетку, в «винтик», которого, пожалуй, можно назвать принципиально безнравственным. И точно также нравственность противостоит власти, в какой бы форме — деспотичной или демократичной — она ни проявлялась. Цель нравственной свободы — деятельное добро,

¹⁶ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 360.

¹⁷ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Там же. С. 366.

которое проявляется в любви к человеку, в уважении достоинства и чести человека. Добродетель есть сама суть нравственной свободы. К деятельной любви призывает Христос, говоря: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Сознательная сила добра проявляется многообразно и всесторонне, что находит свое выражение в «языке добра»: милосердие, жалость, ласковость, забота, внимание, понимание...

Со студенческих лет до последних дней жизни Д. С. Лихачев мыслил и поступал нравственно свободно, каждый раз, особенно при сложных и непредсказуемых поворотах истории, занимая собственную позицию, независимо от того, совпадала ли она или (что было чаще) расходилась как с официальной точкой зрения, так и с общепринятой. Поэтому можно сказать, что главный нравственный урок, преподанный и завещанный нам Дмитрием Сергеевичем, — жить в согласии с собственной совестью, не кривить душой, не «приспосабливаться к обстоятельствам», не оправдывать себя ссылками на то, что «такое было время» и «так поступали все». Д. С. Лихачев постоянно подчеркивал, что в жизни у каждого человека обязательно должно быть одно правило — **прожить жизнь с достоинством**¹⁸.

XX век был веком жестоким, вызвавшим крутые перемены в мире и, пожалуй, особенно — в жизни России. Эти перемены спровоцировали кризис морали. И здесь вполне уместен вопрос: какой морали? На смену морали «гнилой интеллигенции», пришла революционная, марксистская, которая, по словам В. И. Ленина, не содержит «ни грана этики», получившая название «коммунистическая», основанная на принципе детерминизма в теории, а на практике нашедшая свое выражение в классовой борьбе. Новое, марксистское познание морали изначально отрицает ее «беспартийный», внеклассовый, общечеловеческий характер.

В полном соответствии определяющим принципам классовой морали формулируется лозунг, озвученный Максимом Горьким: «Если враг не сдается — его уничтожают». Эта новая, подробно охарактеризованная В. И. Лениным на III съезде комсомола мораль, получившая партийно-государственную поддержку после программного требования В. И. Ленина: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали»¹⁹, — становится целью системы коммунистического воспитания.

Система воспитания, опирающаяся на идеалы коммунизма, на революционный энтузиазм трудящихся, не только «певших на собраниях» Интернационал, но веривших: «Мы наш, мы новый мир построим, / Кто был никем, тот станет всем», десятки лет формировала строителей коммунизма, готовых во имя прекрасного будущего выдерживать суровую действительность настоящего. Борьба на фронтах Гражданской войны, преодоление разрухи, восстановление на новых началах экономики, героизм первых «пятилеток», успехи советского народа способствовали укреплению морали, названной коммунистической.

«У советских собственная гордость — / На буржуев смотрим свысока!» — утверждал «лучший поэт советской эпохи» Владимир Маяковский. Даже его самоубийство рассматривалось как нелепая случайность (со ссылкой на его же слова: «Кто, я застрелился? / Такое загнут!»)

Вера в идеалы коммунизма, в возможность построить «бесклассовое общество», не только подкреплялась советской идеологией, реальными достижениями СССР, но и верой в непогрешимость вождя и учителя — никто не сомневался в том, что у нас к 1940 годам были построены «основы социализма», затем — «социализм», и наша страна оказалась по своим социальным достижениям «впереди планеты всей». Эта вера помогла выстоять в самой жестокой из войн XX века — Второй мировой, которая в Советском Союзе получила название Великой Отечественной...

¹⁸ См., напр.: *Лихачев Д. С. Письма о добром*. СПб.: БЛИЦ, 1999. С. 15.

¹⁹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 41. С. 309.

Однако именно в суровое пятилетие 1941–1945 годов, сначала подспудно, как дополнительный идеологический момент, **возродился старый русский патриотизм**, озвученный в словах Сталина о «великих предках» — Суворове и Кутузове. Начавшееся возрождение, восстановление исторической памяти закрепляется в послевоенные годы. Новый подход к изучению истории и литературы, осмысление, а затем и закономерно приходящее чувство гордости за нашу тысячелетнюю (более того — двухтысячелетнюю) историю плавно и как бы незаметно «растворяет» советский патриотизм в патриотизме русском. В 1950-х годах система коммунистического воспитания претерпевает существенные изменения: **восстанавливается в правах теория нравственного воспитания** — этика, разумеется, марксистско-ленинская. **Потребовалось еще около тридцати лет, чтобы, освободившись от идеологического ограничения, этика как наука о нравственности и морали вернулась — окончательно — к своему общечеловеческому содержанию. Таков исторический урок, который необходимо усвоить и запомнить.**

Очевидно, что с уровня современного нравственного и этического развития в начале XXI века легко обличать ошибки, просчеты, заблуждения на разных временных этапах XX века. Но общество нуждается не в подобного рода упражнениях, а в осознании истин, выстраданных историческим развитием. И поэтому прав Д. С. Лихачев: «Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры, «накоплений» культуры, память — одна из основ поэзии — эстетического понимания культурных ценностей. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками»²⁰.

Д. С. Лихачев в размышлениях о нравственности менее всего похож на классного руководителя, который обличает, выговаривает, наставляет, напоминает о правилах поведения. Правда, в конце книги «Письма о добром» Дмитрий Сергеевич счел необходимым объяснить свою позицию: «Возможно, у читателя создалось представление об авторе писем как о высокомерном человеке, пытающемся учить всех и всему. Это не совсем так. В письмах я не только “учил”, но и учился. Я смог учить именно потому, что одновременно учился: учился у своего опыта, который пытался обобщить. Многие мне приходило на ум и по мере того, как я писал. Я не только излагал свой опыт — я и осмыслял свой опыт. Мои письма наставительные, но, наставляя, я наставлялся сам»²¹.

Следует сказать и о языке размышлений Д. С. Лихачева. Он ясен, прост, понятен каждому, кто читает его книги. Не случайно в своих размышлениях ученый постоянно обращается к русскому языку: «Самая большая ценность народа — его язык, — язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык»²². Русский язык — один из совершеннейших языков мира.

Бедность языка, языковая неряшливость, порча языка — по Лихачеву — показатели невоспитанности, отсутствия культуры. Отношение к языку воспитывается с детских лет, и Д. С. Лихачев неоднократно подчеркивает роль родителей и учителей начальной школы: именно повседневное общение формулирует культуру речи детей и подростков. Но от примеров Д. С. Лихачев всегда переходит к обобщениям. И в «Письмах о добром» он говорит о филологии: «филология — это высшая форма гуманитарного образования, форма, соединительная для всех гуманитарных наук. <...> Понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи. Поэтому филология есть связь всех связей. <...> Она нужна всем, кто пользуется языком, словом, слово связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия: слово, а еще точнее, сочетания слов. Отсюда ясно, что филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой

²⁰ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 147.

²¹ Там же. С. 176.

²² Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 477.

культуры. Знание и творчество оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура»²³.

Так, переходя от слова к филологии, Д. С. Лихачев переходит к культурному смыслу филологии, к ее роли в накоплении ценностей культуры. И вполне закономерно — к ее нравственному значению: «Чем большими ценностями мы овладели, тем более изощренным и острым становится наше восприятие иных культур — культур, удаленных от нас во времени и пространстве <...> Филология сближает человечество <...> и разные человеческие культуры не путем стирания различий в культурах, а путем осознания этих различий <...> их научного осознания, на основе уважения и терпимости к «индивидуальности» культур. Она воскрешает старое для нового. Филология — наука глубоко личная и глубоко национальная, нужная для отдельной личности и нужная для развития национальных культур. Она оправдывает свое название («филология» — любовь к слову), так как в основе своей опирается на любовь к словесной культуре всех языков, на полную терпимость, уважение и интерес ко всем словесным культурам»²⁴.

Нравственность, нравственное пронизывают все размышления Д. С. Лихачева, они оказываются не чем-то извне приложенным, прибавленным к его лингвистическим, философским, культурологическим суждениям, но органично им присущим. Дмитрий Сергеевич **связывает нравственность и культурный кругозор**; более того, для него эта связь — нечто само собой разумеющееся: «...каждый специалист, каждый инженер, врач, каждая медицинская сестра, каждый плотник или токарь, шофер или грузчик, крановщик и тракторист должны обладать культурным кругозором. Не должно быть слепых к красоте, глухих к слову и настоящей музыке, черствых к добру, беспамятных к прошлому. А для всего этого нужны знания, нужна интеллигентность, дающаяся гуманитарными науками. <...> ...Будьте и филологами, то есть «любителями слова», ибо слово стоит в начале культуры и завершает ее, выражает ее»²⁵. Нравственность содержится в культуре, более того, «безнравственная культура» — словосочетание столь же бессмысленное, как «деревянное железо».

А как связаны нравственность и религия? Достаточно долго, почти все XX столетие, у нас повторяли слова К. Маркса о том, что религия — опиум для народа, человек верующий считался человеком «отсталым»; во всех высших учебных заведениях читались курсы по «научному атеизму». К концу XX века ситуация существенно изменилась: было признано, что **вопрос о вере — сугубо личный вопрос для каждого человека**. Но для академика такая постановка этого вопроса означает не столько даже признание свободы человека в вере, сколько осознание его ответственности за самостоятельное духовное самоопределение.

Д. С. Лихачев был глубоко верующим — и говорит он об этом прямо «Быть верующим — значит, выполнять определенные требования вероучения, вести определенный образ жизни, в согласии с другими верующими и жизнью Церкви. В религиозном духе воспитываются с детства. <...> Воспитывая детей в заветах определенной религии или вероучения, мы делаем их более свободными в выборе веры, чем тогда, когда даем им безрелигиозное воспитание, ибо отсутствие чего-то всегда обедняет человека, а от богатства легче отказаться, чем его приобрести. Религия же — именно богатство. Религия обогащает представление о мире, позволяет верующему ощутить значительность всего происходящего, осмысливает жизнь человека, объединяет людей в выполнении определенных религиозных обычаев, обрядов, таинств, составляет самую убедительную основу нравственности. Без религии всегда остается соблазн эгоизма, соблазн замкнутости в своих личных интересах»²⁶. Содержащееся в религии нравственное начало объединяет людей.

²³ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 170–171.

²⁴ Там же. С. 172.

²⁵ Там же. С. 173.

²⁶ Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 1994. С. 224–225.

Для Д. С. Лихачева жизнь имеет смысл только как увеличение добра: «А добро — это прежде всего счастье всех людей. Оно складывается из многого, и каждый раз жизнь ставит перед человеком задачу, которую важно уметь решать. <...> Большая цель добра начинается с малого — с желания добра своим близким, но, расширяясь, она захватывает все более широкий круг вопросов»²⁷.

Особенностью этических взглядов, нравственных принципов, повседневного поведения академика была их **историческая соотнесенность**. То, что в них миг и вечность оказались нераздельны. Любая конкретная, сиюминутная нравственная оценка, нравственное суждение имели прочное историческое основание, а каждое историческое событие — современную нравственную оценку.

Приведем всего два примера. «Как некое духовное сообщество интеллигенция заявила о себе 14 декабря 1825 года на площади Петровой. Восстание декабристов знаменовало собой появление большого числа духовно свободных людей. Декабристы выступили против своих сословных интересов профессиональных (военных в том числе). Они действовали по велению совести, а их тайные союзы не обязывали их следовать какой-то партийной линии»²⁸.

И второй: «Два парохода понадобились осенью 1922 года («Пруссия» и «Бургомистр Хаген»), чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности»²⁹.

Завершает Д. С. Лихачев рассказ о мужестве тех, кто не запятнал честь русского интеллигента взволнованно и с глубоким уважением: «Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор. Преклоняюсь перед русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения. Она выдержала испытания красного террора, начавшегося не в 1936 или 1937 году, а сразу же после пришествия к власти большевиков. <...> Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохраняли свою духовную самостоятельность или даже активно сопротивлялись идеологическому террору — в исторической науке, литературоведении, биологии, философии, лингвистике и т. д. За спинами главарей различного рода разоблачительных кампаний стояли толпы полужнаек, полуинтеллигентов, которые осуществляли террор, прихватывали себе ученые степени и академические звания на этом выгодном для них деле. Смее утверждать, что они не были интеллигентами в старинном смысле этого слова. Нет ничего опаснее полужнаиства. Полужнайки уверены, что они знают все или, по крайней мере, самое важное и действуют нагло и бескомпромиссно. Сколько людей были выброшены этими полужнаиками на улицу!»³⁰

С глубоким уважением говорит Дмитрий Сергеевич о А. А. Мейере, замечательном русском философе (1875–1938), семь лет проведенном в лагерях, но не эмигрировавшем, который «собирал вокруг себя интеллигенцию, используя свой опыт объединения, полученный еще в ссылках и тюрьмах при царском правительстве»³¹.

Д. С. Лихачев убежден в том, что **человек интеллигентный это, прежде всего, нравственный человек**. Впрочем, столь же твердо и обратное суждение: подлинно нравственный человек всегда интеллигент, ибо для него мыслить и быть нравственным — одно и то же.

И вновь — о репрессиях, но уже в «Воспоминаниях»: «Это теперь только отмечают как “особые” 1936 и 1937 гг. Массовые аресты начались с объявлением в 1918 г. “красного террора”, а потом, как бы пульсируя, усиливались — усиливались в 1928-м, 1930-м и т. д.,

²⁷ Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 1999. С. 10.

²⁸ Лихачев Д. С. Раздумья о России. С. 624.

²⁹ Там же. С. 621.

³⁰ Там же. С. 620–621.

³¹ Там же. С. 621.

захватывая не отдельных людей, а целые слои населения, а иногда и районы города, в которых надо было дать квартиры своим “работникам” (например около “Большого дома” в Ленинграде). Как же можно было не знать о терроре? “Незнанием” старались — и стараются — заглушить в себе совесть. <...> А сколько развелось доносчиков! Кто доносил из страха, кто по истеричности характера. Многие доносами подчеркивали свою верность режиму. Даже бахвалились этим!..»³²

Нравственность, вера и сила мысли в единстве образуют духовный фундамент человека, достойного называться человеком. Академик отрицает даже возможность какого-либо компромисса в нравственных отношениях. Здесь только либо-либо: либо нравственный, то есть достойный звания «человек», либо безнравственный (а имя таким — легион: ловчила, лжец, приспособленец, хам и т. п.), по сути не достойный называться человеком. И — никаких переходов: «немножко нравственный», «немножко безнравственный» — все смягчающие формулировки лишь прикрытие безнравственной сущности.

Нравственный человек добр в поступках, но суров в суждениях и оценках. Доброта, однако, отнюдь не «добренький», «всепрощающий», «ссылающийся на то, что человек слаб, надо быть “снисходительным”». Строгость нравственной оценки сближает позиции Д. С. Лихачева и поэта Константина Симонова, который в стихотворении «Друг-приятель» столь же бескомпромиссен.

И это не случайно: в дружбе нравственная ценность личности проявляется не только наиболее ярко, но и обретает исключительность: настоящая дружба — на всю жизнь. Недаром в фольклоре, в народных сказках, пословицах и в народной мудрости прославляется настоящая дружба.

Важным нравственным качеством дружбы, и не только дружбы, — **нравственным качеством человека является постоянство и связанная с ним надежность**. Когда, при обсуждении кандидатуры на ответственную и беспокойную должность, скажут: «Он не подведет, он человек надежный», — это будет одной из самых существенных оценок.

Главное в воспоминаниях и размышлениях Д. С. Лихачева — человек. На страницах его книг оживают не некие «тени прошлого», а люди, как правило, нравственно близкие, созвучные автору. И если он время от времени сетует на свою память — то именно там и тогда, когда не может вспомнить имени встретившегося ему на долгом, трудном и благородном жизненном пути человека, достойного доброй памяти.

Вспоминая сложные предвоенные и послевоенные десятилетия, Дмитрий Сергеевич подчеркивает: «“Проработки” 30–60-х гг. входили в определенную систему уничтожения Добра, были, в какой-то мере, тенью показательных процессов конца 30-х гг. и учитывали их “опыт”. Они были видом расправы с учеными, писателями, художниками, реставраторами, театральными работниками и прочей интеллигенцией»³³. Один из ярких примеров — яростная борьба с «морганизмом-менделизмом» (то есть с генетическим учением) на биолого-почвенном факультете ЛГУ в 1948–1950 годах. Виднейшие ученые — профессора, подобные Гербилюскому и Полянскому, были подвергнуты публичному осуждению и изгнаны с факультета, где на некоторое время господствующее положение заняли воинствующие невежды, подобные — недоброй памяти — поддержанным философам-догматикам, имена коих еще до конца XX века канули в Лету... И нечто подобное — менялись лишь имена — происходило и на других факультетах, особенно гуманитарных: философском, историческом, филологическом, всюду оказывались «свои»: либо настоящие ученые, либо псевдоученые, но «мастера проработок» и приписывания «идеологических диверсий»... Нет худа без добра: поскольку все «проработки» шли на партийных бюро и партийных собраниях, а «застрельщиками» оказывались коммунисты, уже в те годы началась объективная дискредитация коммунистической партии. Годы, внешне казавшиеся годами ее всемогущества, на самом деле обнаружили ее слабость.

³² Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. С. 293.

³³ Там же. С. 359.

Сегодня, вспоминая события тех лет³⁴, можно сказать, что прав был Д. С. Лихачев: без нравственного фундамента не может быть настоящей науки, как гуманитарной, так и естественной. А «нравственный фундамент» — не абстракция, а люди науки. И академик не случайно вновь и вновь говорит об ученых, которые были образцом нравственности. Вот его отзыв о своем старшем товарище в науке — Варваре Павловне Адриановой-Перетц: «Варвара Павловна <...> уделяла главное внимание моральному облику будущих его членов [имеется в виду создававшийся В. П. Адриановой-Перетц Сектор древнерусской литературы в Ленинградском филиале АН СССР]. Особенно опасалась она принять карьеристов, справедливо придавая большое значение общей дружеской атмосфере, которая должна царить в научном коллективе. Она также считала, что честность в отношениях между научными работниками — показатель честности в самой научной работе <...> Вспоминая отношение, которое существовало в Семинарии В. Н. Перетца к своему учителю, Варвара Павловна придавала особенное значение тому, как относится молодежь к своему руководителю, и никогда не простила измен своим руководителям, хотя бы и мелких»³⁵.

По словам Д. С. Лихачева, В. П. Адрианова-Перетц была настоящим воспитателем молодых ученых — «Она стремилась установить мост между прошлым и будущим, не растерять лучшее в традициях прошлого, соединить в своем лице две формации ученых и передать прошлое в заботливые руки будущего»³⁶.

В рамках движения за сохранение культурного наследия России в одном ряду с В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачевым можно назвать и М. Ростроповича, и Г. Вишневу, и А. Солженицына, и И. Бродского, и в некотором роде А. Галича, о чем свидетельствуют слова поэта: «Наша обязанность — беречь бесценное наследие, доставшееся нам от отцов и дедов. Потому что я совершенно убежден, что когда во всем мире так много говорят о правах человека, то защита духовных ценностей как раз и является частью этой борьбы»³⁷ — и его горький перечень уничтоженных знаменитых московских церквей — Иверской часовни Божией Матери, Параскевы Пятницы, собора на Страстной площади, храма Христа Спасителя. А вот его суровый приговор: «Там, где попирается право человека на наследие его отцов и дедов, там, следом за этим, приходят ложь, насилие, смерть»³⁸.

Так или иначе, но в последние годы можно говорить о постепенном — пусть медленном — но восстановлении нравственных основ жизни российского общества, и, безусловно, происходит это благодаря таким примерам, как жизнь и научное служение Д. С. Лихачева.

3.2.3. ОБ ЭТИКЕ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

Среди трудов академика есть небольшая публикация, посвященная этике, точнее — этической стороне научной работы³⁹. **Этические нормы в науке и их нарушения — вот что по-настоящему беспокоило ученого.**

Спрашивать Дмитрия Сергеевича, почему он не написал книгу о значении профессионализма в науке, не приходилось. Видимо, он считал высокий профессионализм ученого качеством очевидным, само собой разумеющимся. Ибо он не застал времен, когда этот профессионализм стал угрожающим образом понижаться, а то и вовсе пропадать.

³⁴ Соавтор этого раздела профессор В. Г. Иванов с 1956 по 1993 год работал в ЛГУ им. А. А. Жданова и на себе испытал давление описываемых Д. С. Лихачевым обстоятельств.

³⁵ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 382.

³⁶ Там же. С. 386.

³⁷ Галич А. Возвращение: стихотворения. Л.: Музыка, 1990. С. 308.

³⁸ Там же. С. 309.

³⁹ Лихачев Д. С. Без доказательств / РАН, Ин-т рус. лит. СПб.: БЛИЦ, 1996.

Между тем в старые добрые времена тема этики ученого казалась многим второстепенной (как и тема этики врача, педагога, журналиста). Точнее, она выходила на первый план в каких-то особых случаях, к примеру, при участии ученого в проекте, связанном с применением атома в военных целях. В этом смысле едва ли основной этической проблемой науки XX века была невозможность для ученого контролировать использование результатов своего труда, что делало людей науки в моральном плане заложниками политического руководства. Как писал Фридрих Ницше: «Идеальный ученый... без сомнения, представляет собой одно из драгоценнейших орудий, какие только есть, — но его место в руках более могущественного»⁴⁰.

В отличие от вышесказанного Д. С. Лихачев, говоря об этике науки, имеет в виду этику самой научной работы. Он весьма сурово осуждает этические нарушения в этой сфере, используя терминологию не из морального, но из уголовного кодекса: разбой, воровство, браконьерство, хулиганство.

Что он имеет в виду?

«“Разбой в науке” — заставлять писать за себя подчиненных или зависимых исследователей»⁴¹.

«“Воровство в науке” — пользоваться чужими материалами, не ссылаясь на их истинных владельцев»⁴².

«“Карманное воровство в науке” — ссылаться на источники из чужих рук»⁴³.

«“Браконьерство в науке” — перехватывать чужие темы»⁴⁴.

«“Хулиганство в науке” — ругать предшественников, скрытно пользуясь (хотя бы частично) их материалами»⁴⁵.

В большинстве рассматриваемых случаев, как легко убедиться, ключевое слово — «чужое». То есть в научной работе есть свое — это то, что получено собственным трудом, остальное — чужое — им можно пользоваться, но нельзя присваивать. Д. С. Лихачев не одобряет даже излишней демонстрации эрудиции. Это касается и библиографии: «Библиографические сноски в исследованиях должны быть “умными”»: в пределах необходимости, но не для демонстрации учености», — указывает он⁴⁶.

В столь резких замечаниях видна установка ученого эпохи нормальной науки советского времени, нацеливавшей исследователя на результат, а не на демонстрацию своих способностей. С позиций сегодняшнего дня такая оценка может показаться даже излишне ригористичной. Ибо падение профессионализма зримо проявляется начиная именно с научной эрудиции. Она уходит из книг и статей, как роскошь былых времен, которая ныне уже не по карману.

Вернемся к этике науки, как ее понимал Д. С. Лихачев. Ясно, что построить ее, основываясь только на запретах, не получится, для ученого нужно сформулировать и положительные качества, добродетели.

Главная из них, по Д. С. Лихачеву, — честность: «Честность в науке важнее всего. Ущерб, наносимый нарушениями честности в науке, устраним в науке с очень большим трудом»⁴⁷. Далее он пишет: «Высокая нравственность ученого проявляется, прежде всего, в ответственном отношении к своей научной работе»⁴⁸. Эта мысль очень важна, ибо снимает противоречие между нравственностью и профессионализмом.

⁴⁰ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 328.

⁴¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 114.

⁴² Там же. С. 17.

⁴³ Там же. С. 60.

⁴⁴ Там же. С. 12.

⁴⁵ Там же. С. 143.

⁴⁶ Там же. С. 10.

⁴⁷ Там же. С. 150.

⁴⁸ Там же. С. 25.

Рассматривая тему научного исследования, академик высказывает очень интересное суждение: «Если в конце исследования не видно начала следующего — значит, исследование не доведено до конца»⁴⁹. И затем: «В занятиях какой-либо темой исследователь не должен делать остановок (перерывов). Ведь и поезд, идущий с частыми остановками, тратит сил во много раз больше, чем поезд, преодолевающий тот же путь без остановок»⁵⁰. «Окончание научной работы — всегда начало следующей»⁵¹. Здесь содержится понимание Дмитрием Сергеевичем присущего современному научному развитию динамизма. Наука в современном мире развивается особенно быстро. Практически все, что является подлинной научной задачей, кем-то решается и, как правило, в достаточно короткие сроки. На этом фоне поражает самоуспокоенность некоторых коллег, пытающихся и сегодня прожить за счет научного багажа 1990-х, а то и 1980-х годов. Перефразируя Льюиса Кэрролла, можно сказать, что для того, чтобы оставаться в науке на месте, нужно бежать достаточно быстро, а чтобы двигаться вперед — нужно бежать в два раза быстрее.

Надо сказать, что академик Лихачев достаточно много внимания уделял организационно-научной сфере. «Наука коллективна, — констатирует он. — Настоящий ученый организует науку вокруг себя»⁵². Но при этом: «Организатором науки нельзя быть со стороны — сверху, снизу или сбоку»⁵³. И самое главное: «Организатором науки может быть только человек науки»⁵⁴. Когда сегодня мы слышим, что надо отдать науку в частные руки, передать вузы и институты бизнесу и так далее, ясно, что и в данном вопросе Д. С. Лихачев, увы, оказался провидцем. Разумеется, трудно возражать против расширения источников финансирования науки и высшей школы, даже при том, что государственное финансирование обязано быть более надежным. Но теперь предлагается переместить научное сообщество из органичной среды обитания в иную среду, где отнюдь не человек науки будет играть роль ее организатора, определять ход развития событий.

И что еще существенно: в бизнесе принципиально важен положительный результат, а в науке, особенно фундаментальной, результат может быть в принципе любым. Как утверждает Дмитрий Сергеевич: «Отрицательный результат исследования — тоже результат, причем обычно самый бесспорный»⁵⁵. Важно, что это сказано без осуждения, ибо итог должен зависеть не от заказчика, а от объекта исследования. В науке нередко нужно пройти определенный путь, чтобы убедиться, что в конце — тупик. Д. С. Лихачевым осуждается как раз обратное. Он пишет: «Чистоплюйство в науке — выбирать только “выгодные” для себя темы»⁵⁶. Это позиция не бизнеса, потому что там, кроме прямой отдачи вложенных средств, ничто не важно, и не «голос сверху», поскольку чиновники от науки чаще всего и есть упомянутые выше «чистоплюи». Это мнение организатора подлинной науки.

Несколько особняком в изложении этической проблематики стоит следующее суждение Д. С. Лихачева: «Главный враг науки — наукообразность. Главная опасность наукообразности в ее “близости” к науке»⁵⁷. Характерно, что слово «близость» помещено в кавычки. Потому что речь идет о мимикрии — подражании внешним признакам научной деятельности.

Какие-то люди с важным видом восседают в президиумах конференций, входят в состав ученых советов, высказываются по научным вопросам в СМИ, не имея отношения к реальной научной работе и роняя в обществе статус ученого.

⁴⁹ Там же. С. 34.

⁵⁰ Там же. С. 16.

⁵¹ Там же. С. 99.

⁵² Там же. С. 79.

⁵³ Там же. С. 99.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 102.

⁵⁶ Там же. С. 150.

⁵⁷ Там же. С. 28.

Правда, такая мимикрия существовала и раньше. Еще академик Лев Ландау сказал, что жрец науки — это тот, кто ест благодаря науке и не имеет к ней более никакого отношения. Но подобных персон никогда не было так много, как сейчас.

Отдельная тема в размышлениях Д. С. Лихачева о науке — тема именованя. Дмитрий Сергеевич как-то до странности трепетно относится к именам, названиям и вообще к номинации. Наверное, потому, что с нее все начинается. «Если вы хотите, чтобы ваше наблюдение вошло в науку — окрестите его, дайте ему имя, название»⁵⁸. Или, в другом месте: «Как “театр начинается с гардероба”, так научная работа начинается с названия: точного, делового»⁵⁹. Но и здесь академик предостерегает от излишеств: «Если ученый создает сотни научных терминов, — он разрушает науку, десятки — поддерживает ее, два-три — двигает науку вперед»⁶⁰. Есть и более афористичная мысль: «Краткость — вежливость ученого»⁶¹. Данный критерий распространяется и на научные доклады: «Не верьте длинным докладам, — пишет он, — аргументированные обычно коротки»⁶².

От темы номинации академик переходит к оценке **языка науки**: «Главное достоинство научного языка — ясность»⁶³ — и объясняет, почему это достоинство является основным: «Если язык научной работы труден, он не выполняет основную свою задачу — сообщать»⁶⁴. Разумеется, Д. С. Лихачева волнует научная коммуникация, поскольку ему всегда казалось принципиально важным наличие сообщества ученых как структуры гражданского общества, связанной с государством, но не зависящей от него в процессе духовного производства, то есть производства идеи, научных концепций и проектов.

В прямой связи с темой научной коммуникации оказывается тема оценки результатов научного труда. Разумеется, «от ошибок никто не застрахован... Ошибка в выводах указывает на ошибочность работы исследователя, ошибочность примененного метода — на порок самого исследователя»⁶⁵. То есть в первом случае виноват в ошибке сам специалист, но у него есть шанс исправиться, а во втором — его учителя, не научившие верно выбирать методологию исследования. Психологически же «страховаться в науке следует чувством готовности претерпеть неудачу»⁶⁶. Именно с «готовностью претерпеть» связана такая этическая категория, как мужество: «Самое большое мужество ученого — вовремя признавать свои ошибки»⁶⁷.

Таким образом, **главным критерием оценки научной работы становится внутреннее «Я» ученого, его совесть.** Внешние же оценки — менее существенны. Как пишет ученый: «Когда у спорящих нет аргументов, появляются просто “мнения”»⁶⁸. Правда, большую роль в научном сообществе играет понимание. Для Дмитрия Сергеевича в данном контексте «интеллигентность — это способность к пониманию»⁶⁹.

Можно было бы утверждать, что такой настрой академика дает в его глазах преимущество герменевтическим процедурам в познании над логико-аналитическими. Но это не совсем так. Далее он пишет: «Не навязывайте своего понимания или, еще того хуже, непонимания другим. Не считайте, что вы обладаете абсолютным вкусом, как и абсолютным знанием. Первое невозможно в искусстве, второе невозможно в науке»⁷⁰.

⁵⁸ Там же. С. 35.

⁵⁹ Там же. С. 56.

⁶⁰ Там же. С. 38.

⁶¹ Там же. С. 62.

⁶² Там же. С. 85.

⁶³ Там же. С. 27.

⁶⁴ Там же. С. 40.

⁶⁵ Там же. С. 102.

⁶⁶ Там же. С. 128.

⁶⁷ Там же. С. 119.

⁶⁸ Там же. С. 62.

⁶⁹ Там же. С. 50.

⁷⁰ Там же. С. 86.

Границы понимания в науке в принципе не совпадают с границами научной истины. Точнее, первые шире последних. Это — еще одна причина неизбежности научных споров. Но весьма любопытно, что среди аргументов «против» Д. С. Лихачев называет фигуру умолчания: «Молчание в науке — знак несогласия»⁷¹. Может быть, это связано с традицией исихазма в русской православной духовности; возможно, менталитет исследователя содержит внутреннюю установку — молча игнорировать все, с чем не согласен. Так или иначе, но правота этого замечания очевидна. Впрочем, причиной молчания несогласных может быть чей-то научный авторитет, особое значение в данной области чьей-то личности или страх перед начальством. Позиция Лихачева по отношению к начальству определена достаточно ясно: «Нельзя быть “свадебным генералом” в науке: это унижает ученого»⁷². К сказанному выше примыкает следующий тезис: «Не количество работ, а их качество!»⁷³ И еще более уничижительно: «Если ученый бежит за званиями и степенями, он рискует убежать от своей специальности»⁷⁴. Можно ли сделать вывод об отрицании почтенным академиком научных авторитетов? Разумеется, нет, ибо «не уважают заслуг других те, кто их сам не имеет»⁷⁵. Понятно, что Дмитрий Сергеевич четко отделяет реальный масштаб творческой личности от показной мишуры, имеющей мало отношения к сути дела.

При прочтении текстов академика Д. С. Лихачева о науке возникает странное чувство, связанное с глубиной разрыва между желаемым и существующим. С одной стороны, не может не вызывать уважения этическая доминанта его высказываний, с другой — мысли ученого воспринимаются как голос из иной реальности. Словно все постулаты рождены в месте уединения оторванного от обычной жизни мудреца. Но ведь это не так. Дмитрий Сергеевич изведal многое на своем научном и жизненном пути. И все-таки в текстах незримо присутствуют житейское благополучие, достоинство, даже величие прошлого века — времени наивысшего расцвета советской науки.

В 1990-е годы в научной среде возникнет совершенно иная ситуация. Разразившаяся национальная катастрофа привела к массовому обнищанию людей науки, уходу наиболее энергичных в политику и бизнес, миграции за рубеж, старению научных коллективов. В современную историю России вписаны не научные победы и прорывы, а самоубийства директоров НИИ, не знавших, на какие деньги содержать институты, вывоз за рубеж всего, что можно было продать, — распиленного на металлолом оборудования, оборонных технологий, научных результатов; махинации с фондами заработной платы научных учреждений и с их имуществом. И все более бойкая торговля учеными степенями и званиями «на вынос и распивочно». Кто из «сильных мира сего» в нашей стране еще не доктор или, на худой конец, не кандидат каких-нибудь наук?

В этих условиях мысли академика могут восприниматься как реквием по науке, которую мы потеряли. И все-таки здесь есть светлая сторона. Актуализация воззрений Д. С. Лихачева на этику научной работы связана не со вчерашним или сегодняшним, но с завтрашним днем российского общества и государства.

«Долг ученого — иметь преемников.

Ум ученого — давать творческую свободу своим преемникам.

Доброта ученого — не иметь секретов от своих преемников»⁷⁶.

Поставленный академиком Лихачевым **вопрос о долге ученого** важен сегодня как никогда. Преподавательский состав российских вузов — в большинстве своем дедушки и внуки. Потеря среднего поколения печальна, но не фатальна по ее отдаленным последствиям, если в науке сохранится преемственность, о которой говорит Дмитрий

⁷¹ Там же. С. 77.

⁷² Там же. С. 87.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 39.

⁷⁵ Там же. С. 91.

⁷⁶ Там же. С. 31.

Сергеевич. И в том случае, если наука будет востребована обществом и государством, — не все безнадежно. Нам остается в связи с этим лишь повторить за Дмитрием Сергеевичем: «Самый верный путь ученого — путь самой науки: заботиться только о выявлении научной истины и больше ни о чем на свете»⁷⁷.

⁷⁷ Там же. С. 119.